

Непаханая целина

В мире растет интерес к реконструкциям старинных балетов

Юрий Бурлака готов по крупицам собирать то, что давно утеряно.

Фото Алексея Калужских (НГ-фото)

Майя Крылова

В Мюнхене состоялся международный симпозиум по восстановлению классического балетного наследия. Москву представлял Юрий Бурлака – бывший танцовщик, специалист по текстам старинных спектаклей. Совместно с худруком Большого театра Алексеем Ратманским он готовит к постановке в ГАБТе балет «Корсар». Бурлака рассказал обозревателю «НГ» о поездке в Баварию, о проблемах «Корсара» и о перспективах мирового балетного аутентизма.

– Юрий, что обсуждали на мюнхенском симпозиуме?

– Он назывался «Сохранение традиций и новое прочтение классических балетов». Это событие приурочили к премьере балета Мариуса Петипа «Корсар» в Баварской опере, реконструированного по материалам архива в Гарвардском университете. Там хранятся записи спектаклей Мариинского театра, после 1917 года вывезенные за границу режиссером Николаем Сергеевым. Мы много говорили о балетах Петипа, постановки которого составляют львиную долю наследия, но не только о нем. Я с огромным интересом прослушал сообщение о реконструкции балета Вацлава Нижинского «Послеполуденный отдых фавна», сделанной по записям хореографа. До этой работы «Фавн» шел в постановках бывших коллег Нижинского, по принципу «Кто что вспомнит». Оказалось, что существуют записи балетов, о которых вообще никто не знает. В Мюнхене был доклад о хореографе Анри Жюстамане, в позапрошлом веке работавшем в Лионе. Я, всю жизнь занимающийся балетной стариной, впервые услышал это имя.

– По-моему, вам с коллегами прежде всего следовало договориться о терминах. К примеру, что такое «классическое наследие»?

– Понятие «классического наследия» в России и на Западе трактуют во многом по-раз-

ному. Многие балеты, которые в мире считаются наследием, таковыми не являются, например версии Рудольфа Нуреева или Натальи Макаровой, добавивших в тексты балетов много субъективного. Это, как и версии Григоровича, – современные авторские редакции, причем Григорович обошелся со «Спящей красавицей» гораздо более бережно, чем Нуреев. Далее. Насколько вообще стоит говорить об аутентизме в случае реконструкции спектакля? Это слово не так хорошо подходит для балета, как для музыки. Сегодня у артистов балета иная психология тела, чем в XIX веке. Даже структуры тканей для костюмов изменились. И давайте говорить о максимальном приближении к оригиналу по ходу исторической стилизации. Есть проблема и в том, что считать первоисточником. На русской сцене шли балеты Петипа, но он сам часто переделывал

стами многих па-де-де и вариаций из балетов, в Вене поставил «Лебединое озеро» в редакции Александра Горского и Асафа Мессерера (эта версия много лет шла в Большом театре). В Токио сделал «Щелкунчика» – реконструировал дореволюционную хореографию Льва Иванова. Предпринял попытку воссоздать балет Петипа «Пробуждение Флоры». Теперь очередь за «Корсаром» – премьера в ГАБТе состоится летом.

– Как проходит процесс воссоздания утраченной хореографии?

– Кроме архивов привлекаются исторические и иконографические источники, рецензии в газетах, воспоминания современников и участников спектакля. Это тяжелая работа, требующая большой усидчивости. Я работал в Гарварде и в фондах театральных музеев – московского и петербургского. И,

Многие старые балеты для нас пропали

спектакли предшественников, как, например, было с тем же «Корсаром».

– А у вас откуда страсть к балетной старине?

– С детства. Когда в балетной школе изучали театральную историю, мне всегда не хватало информации, полученной от учителей. Я работал в архивах, просто из интереса – хотел понять, как выглядели спектакли, исчезнувшие с течением времени. Когда изучал балет, всегда вникал в клавиры и скрипичные репетиторы – отличное дополнение к тому, что описывалось в книгах и в либретто. Собралась большая коллекция, она пригодилась, когда я стал заниматься восстановлением и переносом балетной классики в России и за рубежом. Много помогали и наставники – Петр Пестов, Герман Прибылов и Вячеслав Гордеев. В Мюнхене я рассказал, как занимался утраченными тек-

как действующий артист, увидел, насколько мы ограничены в репертуаре. Есть небольшой набор балетов, исполняемых в разных театрах. Но в каталоге Гарвардской коллекции указаны 24 спектакля и дивертисменты из опер!

– Насколько возможно восстановить давно утраченный балет?

– Я уверен, что известное выражение «время все расставит по местам» к старинному балету неприменимо. Особенно у нас в стране, где многие спектакли после большевистской революции были насильственно изъяты как носители «дворянско-помещичьего» духа. Мне попался в руки документ 1919 года, подписанный Луначарским: «исключить из репертуара...», и далее список из 15 названий. А кино почти не использовалось для съемки балетов. Так все и кануло в Лету. Теперь надо собирать по крупицам.